

**С. Аксаков**

# **Первая весна в деревне**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
С11

С11 **С. Аксаков**  
Первая весна в деревне / С. Аксаков – М.: Книга по Требованию, 2021. –  
74 с.

**ISBN 978-5-458-15495-6**

**ISBN 978-5-458-15495-6**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



вѣстія отъ отца, Евсеича, изъ дѣвичей и лакейской; „прудъ посинѣлъ и надулся, ѣздить по немъ опасно, мужикъ съ возомъ провалился, подпирода подошла подъ водяныя колеса, молотъ уже нельзя, пора спускать воду; Антошкинъ оврагъ ночью прошелъ, да и Мордовскій напряжился и почернѣлъ, скоро—никуда нельзя будетъ проѣхать; дорожки начали проваливаться, въ кухню не пройдешь; Мазанъ провалился съ миской щей и щи пролилъ, мостки снесло, вода залила людскую баню“—вотъ что слышалъ я безпрестанно, и равнодушно принималъ всѣ такія извѣстія. Грачи давно расхаживали по двору и начали вить гнѣзда въ грачевой рощѣ. Скворцы и жаворонки тоже прилетѣли; и вотъ стала появляться настоящая птица, *дичь*, по выраженію охотниковъ. Отецъ съ восхищеніемъ рассказывалъ мнѣ, что видѣлъ лебедей, такъ высоко летѣвшихъ, что онъ едва могъ разглядѣть ихъ, и что гуси потянулись большими станицами. Евсеичъ видѣлъ нырковъ и кряковыхъ утокъ, опустившихся на прудъ, видѣлъ дикихъ голубей по гумнамъ, дроздовъ и пиголицъ около родниковъ... Сколько волненій, сколько шумной радости! Вода сильно прибыла. Немедленно спустили прудъ—и безъ меня! Погода была слиш-

комъ дурна, и я не смѣлъ даже проситься. Разсказы отца отчасти удовлетворяли моему любопытству.

Съ каждымъ днемъ извѣстія становились чаще, важнѣе, возмутительнѣе! Наконецъ Евсейчъ съ азартомъ объявилъ, что „всякая птица валомъ валить, безъ перемежки!“ Переполнилась мѣра моего терпѣнья. Невозможно стало для меня все это слышать и не видѣть, и съ помощью отца, слезъ и горячихъ убѣжденій, выпросилъ я позволенье у матери, одѣвшись тепло, потому что дулъ сырой и пронзительный вѣтеръ, — посидѣть на крылечкѣ, выходящемъ въ садъ, прямо надъ Бугурусланомъ. Внутренняя дверь еще не была откупорѣна, Евсейчъ обнесъ меня кругомъ дома на рукахъ, потому что вездѣ была вода и грязь. — Въ самомъ дѣлѣ, то происходило въ воздухѣ, на землѣ и на водѣ, чего представить себѣ нельзя, не видавши, и чего увидѣть теперь уже невозможно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ я говорю, потому что нѣтъ такого множества прилетной дичи.

Рѣка выступила изъ береговъ, поняла урему на обѣихъ сторонахъ и, захвативъ половину нашего сада, слилась съ озеромъ грачевой рощи. Всѣ берега покоевъ были усыпаны всякаго рода



Л. А. Саврасова. Грачи прилетѣли.

дичью; множество утокъ плавало по водѣ между верхушками затопленныхъ кустовъ, а между тѣмъ безпрестанно проносились большія и малыя стаи разной прилетной птицы: однѣ летѣли высоко, не останавливаясь, а другія—низко, часто опускаясь на землю; однѣ стаи садились, другія поднимались, третьи перелетывали съ мѣста на мѣсто: крикъ, пискъ, свистъ наполняли воздухъ. Не зная, какая это летитъ или ходитъ птица, какое ея достоинство, какая изъ нихъ пищитъ или свиститъ,—я былъ пораженъ, обезумленъ такимъ зрѣлищемъ. Отецъ и Евсеичъ, которые стояли возлѣ меня, сами находились въ большомъ волненъи. Они указывали другъ другу на птицу, называли ее по имени, отгадывая часто по голосу, потому что только близкою можно было различить и узнать по перу. „Шилохвостя, шилохвостя-то сколько! говорилъ торопливо Евсеичъ.—Эки стаи! А кряковыхъ-то! батюшки, видимо не видимо!“—„А слышишь ли, подхватывалъ мой отецъ,—вѣдь это степняги, кроншнепы заливаются! Только больно высоко. А вотъ сивки играютъ надъ озимями, точно туча!... Веретенниковъ-то сколько! а турухтановъ-то—я уже и не видывалъ такихъ стай!“

Я слушалъ, смотрѣлъ, и тогда ничего не

понималъ, что́ вокругъ меня происходило: только сердце то замирало, то стучало какъ молоткомъ; но за то послѣ все представлялось, даже теперь представляется мнѣ ясно и отчетливо, доставляло и доставляетъ неизъяснимое наслажденіе!.. и все это понятно вполнѣ только однимъ охотникамъ! Я и въ ребячествѣ былъ уже въ душѣ охотникъ, и потому можно судить, что я чувствовалъ, когда воротился въ домъ! Я казался, я долженъ былъ казаться какимъ-то полоумнымъ, помѣшаннымъ; глаза у меня были дикіе, я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, что со мной говорили. Я держался за руку отца, пристально смотрѣлъ ему въ глаза и съ нимъ только могъ говорить, и только о томъ, что мы сейчасъ видѣли. Мать сердилась и грозила, что не будетъ пускать меня, если я не образумлюсь и не выброшу сейчасъ изъ головы утокъ и куликовъ. Боже мой, да развѣ можно было это сдѣлать!.. Вдругъ грянулъ выстрѣлъ подъ самыми окнами, я бросился къ окошку и увидѣлъ дымокъ, расходящійся въ воздухъ, стоящаго съ ружьемъ Филиппа (старый сокольникъ) и пуделя Тритона, котораго всѣ звали „Трентонъ“, который, держа во рту за крылышко какую-то птицу, выгнулъ изъ воды на берегъ. Скоро Филиппъ прѣшель

съ своей добычей: это былъ кряковый селезень, какъ мнѣ сказали, до того красивый перомъ, что я долго любовался имъ, разсматривая его бархатную зеленую голову и шею, багряный зобъ и темнозеленыя косички на хвостѣ.

Мало-по-малу привыкъ я къ наступившей веснѣ и къ ея разнообразнымъ явленіямъ, всегда новымъ, потрясающимъ и восхитительнымъ; говорю привыкъ, въ томъ смыслѣ, что уже не приходилъ отъ нихъ въ изступленіе. Погода становилась теплая, мать безъ затрудненія пускала меня на крылечко и позволяла бѣгать по высохшимъ мѣстамъ; даже сестрицу отпускали со мной. Всякій день кто-нибудь изъ охотниковъ убивалъ то утку, то кулика, а Мазанъ застрѣлилъ даже дикаго гуся и принесъ къ отцу съ большимъ торжествомъ, рассказывая подробно, какъ онъ подкрался камышами, въ водѣ по горло, къ двумъ гусямъ, плававшимъ на материкѣ пруда, какъ прицѣлился въ одного изъ нихъ, и заключилъ рассказъ словами: „какъ ударилъ, такъ и не ворохнулся!“ Всякій день также сталъ приносить старый грамотѣй Мысеичъ разную крупную рыбу: щуку, язей, головлей, линей и окуней. Я любилъ тогда рыбу больше, чѣмъ птицъ, потому что зналъ и любилъ рыбную

ловлю, то-есть уженье; каждаго большого линия, язя или головля воображалъ я на удочкѣ, представляя себѣ, какъ бы онъ сталъ биться и метаться и какъ было бы весело вытащить его на берегъ.

Несмотря однако же на всѣ предосторожности, я какъ-то простудился, получилъ насморкъ и кашель и, къ великому моему горю, долженъ былъ оставаться заключеннымъ въ комнатахъ, которыя казались мнѣ самою скучною тюрьмою, о какой я только читывалъ въ своихъ книжкахъ; а какъ я очень волновался рассказами Евсеича, то ему запретили доносить мнѣ о разныхъ новостяхъ, которыя весна безпрестанно приносила съ собой; къ тому же мать почти не отходила отъ меня. Она сама была не совсемъ здорова. Въ первый день напала на меня тоска, увеличившая мое лихорадочное состояніе, но потомъ я сталъ спокойнѣе, и цѣлые дни игралъ, а иногда читалъ книжку съ сестрицей, безпрестанно подбѣгая, хоть на минуту, къ окнамъ, изъ которыхъ виденъ былъ весь разливъ полои воды, затопившей огородъ и половину сада. Можно было даже разглядѣть и птицу, но мнѣ не позволяли долго стоять у окошка.

Скорому выздоровленію моему мѣшала бессон-

ница, которая, Богъ знаетъ отчего, на меня напала. Это разстраивало сонъ моей матери, которая хорошо спала только съ вечера. По совѣту тетушки, для нашего усыпленія, позвали одинъ разъ ключницу Пелагею, которая была великая мастерица сказывать сказки, и которую даже покойный дѣдушка любилъ слушать. Мать и прежде знала объ этомъ; но она не любила ни сказокъ, ни сказочницъ, и теперь не охотно согласилась. Пришла Пелагея, не молодая, но еще бѣлая, румяная и дородная женщина, помолилась Богу, подошла къ ручкѣ, вздохнула нѣсколько разъ, по своей привычкѣ, всякій разъ приговаривая: „Господи, помилуй насъ грѣшныхъ“, сѣла у печки, подгорюнилась одною рукой и начала говорить, немного на распѣвъ: „Въ нѣкіимъ царствѣ, въ нѣкіимъ государствѣ“... Это вышла сказка подъ названіемъ: „Аленькій цвѣточекъ“ \*). Нужно ли говорить, что я не заснулъ до окончанія сказки, что, напротивъ, я не спалъ долѣе обыкновеннаго? Сказка до того возбудила мое любопытство и воображеніе, до того увлекла меня, что могла бы вылѣчить отъ сонливости, а не отъ бессонницы. Мать заснула сейчасъ; но, проснув-

---

\*) Эта прелестная сказка издана отдѣльно у многихъ издательствъ и стоитъ 5 коп.

шись через нѣсколько часовъ и узнавъ, что я еще не засыпалъ, она выслала Пелагею, которая разговаривала со мной объ „Аленькомъ цвѣточкѣ“, и сказыванье сказокъ на ночь прекратилось очень надолго. Это запрещенье могло бы сильно огорчить меня, если бы мать не позволила Пелагеѣ сказывать иногда мнѣ сказки въ продолженіи дня. На другой же день выслушалъ я въ другой разъ повѣсть объ „Аленькомъ цвѣточкѣ“. Съ этихъ поръ, до самаго моего выздоровленья, то-есть до середины страстной недѣли, Пелагея ежедневно рассказывала мнѣ какую-нибудь изъ своихъ многочисленныхъ сказокъ. Болѣе другихъ помню я „Царь-дѣвицу“, „Иванушку-дурачка“, „Жарь-птицу“ и „Змѣя-Горыничка“. Сказки такъ меня занимали, что я менѣе тосковалъ о вольномъ воздухѣ, не такъ рвался къ оживающей природѣ, къ разлившейся водѣ, къ разнообразному царствѣ прилетѣвшей птицы.

Въ страстную субботу мы уже гуляли съ сестрицей по высохшему двору. Въ этотъ день мой отецъ, тетупка Татьяна Степановна и тетупка Александра Степановна, которая на то время у насъ гостила, уѣхали ночевать въ Неклюдово, чтобы встрѣтить тамъ въ храмѣ Божиѣмъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Проѣхать было очень

трудно, потому что полая вода хотя и пошла на убыль, но все еще высоко стояла; они пробрались по плотинѣ въ крестьянскихъ телѣгахъ и съ полверсты ѣхали полями; вода хватала выше колесныхъ ступицъ, и мнѣ сказывали провожавшіе ихъ верховые, что тетушка Татьяна Степановна боялась и громко кричала, а тетушка Александра Степановна смѣялась. Я слышалъ, какъ Параша тихо сказала Евсеичу: „эта чего испугается!“—и дивился тетушкиной храбрости. Съ четверга на страстной начали красить яйца: въ красномъ и синемъ сандалѣ, въ серпухѣ и луковыхъ перьяхъ; яйца выходили красныя, синія, желтыя, блѣдно-розоваго и рыжеватаго цвѣта. Мы съ сестрицей съ большимъ удовольствіемъ присутствовали при этомъ крашенѣ. Но мать умѣла мастерски красить яйца въ мраморный цвѣтъ разными лоскутками и шемаханскимъ шелкомъ. Сверхъ того, она съ необыкновеннымъ искусствомъ, простымъ перочиннымъ ножичкомъ, выскабливала на красныхъ яйцахъ чудесные узоры, цвѣты и слова: „Христосъ Воскресъ“. Она всѣмъ приготовила по такому яичку, и только я одинъ видѣлъ, какъ она надъ этимъ трудилась. Мое яичко было лучше всѣхъ и на немъ было написано: „Христосъ Воскресъ, милый другъ